

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г81

Грешнов, Андрей Борисович.

Г81 После нас / Андрей Грешнов. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с.

ISBN 978-5-04-099591-2

Еще никогда прежде ни один журналист в мире не выдерживал там столько лет. Тринадцать! Тринадцать лет проработал в Афганистане журналист-международник, глава представительства РИА «Новости» в Кабуле Андрей Грешнов. На его глазах истерзанная войнами страна несколько раз заливалась кровью. Он видел, как Кабул штурмовали талибы. Он брал интервью и у самых жестоких главарей моджахедов. Он снимал на камеру американских солдат, которые хамски хозяйничали в кишлаках и поселках. Обо всем этом он рассказал в своей книге. О том, что произошло в Афганистане после того, как оттуда ушли советские войска. О том, во что превратилась страна ПОСЛЕ НАС...

Сержант армии США Кельвин Гиббс признался в суде, что он, Джереми Морлок и еще несколько солдат устроили жуткую бойню среди мирного населения провинции Кандагар ради «спортивного интереса». Бравые воины отрезали пальцы и выбивали зубы мертвым афганцам, расчленили и фотографировали трупы. Кости убитых американцы хранили в качестве сувениров. Они сами называли себя «Отрядом убийц», даже не пытаясь завуалировать свои поступки или объяснить их какими-то непреодолимыми обстоятельствами. Там, под Кандагаром, что-то случилось с американскими солдатами, они мгновенно превратились в озверевших садистов. Или, может быть, это случилось раньше?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099591-2 © Грешнов А. Б., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Своим родителям посвящаю...

Кабул, 18 лет спустя

...В сентябре 2007 года, спустя 18 лет после отъезда на Родину из охваченной войной Республики Афганистан, я вновь полетел в Кабул. Вообще-то я должен был лететь в Исламабад и сменить «в дозоре» тамошнего корреспондента РИА «Новости», но внезапно обстоятельства сложились таким образом, что я смог реализовать на практике свой жизненный принцип «хотеть там, где можешь, а мочь там, где умеешь». В агентство пришел новый заместитель руководителя, поддержавший мою внезапную инициативу открыть представительство в стране, где в то время не было ни одного российского корреспондента и которая «была на слуху» в СМИ почти каждый день.

По счастливому стечению обстоятельств главой российской дипмиссии в Кабуле в то время был Замир Кабулов, которого я знал еще по 80-м годам прошлого столетия, когда он работал первым секретарем посольства и отвечал за информационную работу миссии. «За мир в Кабуле», как за глаза называли и называют сегодня его коллеги по работе, уже тогда слыл профессионалом своего дела, отлично разбиравшимся в хитросплетениях афганской закулисы. А в двухтысячных я с интересом читал его интервью иностранной прессе и с радостью для себя отмечал, что на моей постсоветской Родине умные люди еще не перевелись. Я решил брать быка за рога и, перекрестившись, набрал телефон российского посольства в Кабуле, представившись должным образом дежурному по дипмиссии. Замир меня вспомнил мгновенно и в ответ на мой вопрос о перспекти-

Андрей Грешнов

вах открытия представительства РИА в Афганистане сразу перевел разговор в деловое русло и предложил общаться на «ты». Мы говорили недолго, но очень продуктивно. А спустя неделю я уже рассматривал проплывающие под брюхом Ту-154 азербайджанской авиакомпании «АЗАЛ» черные кучевые облака...

Из Москвы до Баку лететь не очень долго, а вот в бакинском аэропорту в то время приходилось сидеть часов пять или шесть как «транзитнику». Оттуда самолет стартовал на Кабул в предутренние часы: это было связано с правилами движения судов гражданской авиации в воздушном пространстве воюющей страны, где надзор за небом осуществляли в том числе диспетчеры НАТО. Осенью при подлете к кабульской котловине в воздухе почти всегда сильно трясет, а в этот раз болтало так, что у самолета трещали крылья, испытывавшие огромные перегрузки. Что крылья могли отлететь, отнюдь не преувеличение. Спустя некоторое время у одного старого советского самолета, как раз в этом районе крылья таки отвалились, погибло много людей. Беззвучно поминая Николая-угодника и Богоматерь, я мысленно молил их поскорее проскочить горы перевала Саланг и оставить меня в живых. Когда болтанка закончилась, появилась другая напасть — густой туман. В голову лезли ненужные воспоминания о крушениях в кабульской котловине советских грузопассажирских самолетов с людьми на борту, хотелось побыстрее увидеть спасительную восьмиконечную «снежинку» кабульского централа Пули-Чархи. Но тюрьму с воздуха я в тот раз так и не увидел: туман стелился почти по земле, и когда самолет выпустил шасси и зашел на посадку, в иллюминаторе мелькнула лишь вышка управления полетами кабульского аэропорта да большое количество военных самолетов и вертолетов всех мастей.

По неопытности я стал заполнять какие-то карточки визитера Исламской Республики, которых в ДРА в 80-е годы не было и в помине. В этом мне охотно помогали местные

полицейские-пограничники. За свою бескорыстную помощь в заполнении «аусвайса» они потом попросили у меня два доллара. Паспортный контроль я прошел одним из последних. Таможенникам мой багаж, состоявший из одной сумки, показался неинтересным: водки в ней не было, а потому я быстро вышел из здания аэропорта на улицу, где меня уже встречала симпатичная девушка Вера — пресс-атташе посольства и сопровождавший ее водитель-охранник.

— Я уж часом подумала, что вы не прилетели, — смеясь, сказала она.

— Да вот с пограничниками заминка вышла, ответил я, показывая ей заполненную афганскими каракулями «карточку визитера».

— Оставьте себе на память, — снова засмеялась она. — Никакие карточки заполнять не надо, вы ведь не турист!

Посольская машина стояла на охраняемой VIP-стоянке, слева от здания аэропорта. Почти напротив нее, через дорогу с клумбой, где «моджахеды» поставили как памятник своему «героическому» прошлому советский военный самолет, в 80-е годы располагался наш отдельный радиотехнический батальон ПВО, а чуть левее — шлагбаум на въезд в легендарный «полтинник» и Пересылка. Никаких следов, вообще ничего, что бы напоминало о них, не осталось. Какие-то новые здания песочного цвета и море строительной техники. Дорога-то в город отсюда одна — строго на юг. И мы поехали. Раньше эта дорога была почти пустынной, вдоль нее стояло лишь несколько дуканов, где можно было остановиться попить кока-колы и купить сигарет. Сейчас здесь построено много жилых зданий, лицей для девочек, магазинчики и много еще чего. С левой стороны дороги разросся бывший советский «новый» микрорайон, в котором в свое время я прожил довольно счастливые по тем временам 15 месяцев. В конце дороги, въехав на перекресток с круговым движением, мы уперлись в высокий монумент.

Андрей Грешнов

— Это памятник предводителю «Северного альянса» Ахмадшаху Масуду, — пояснила мне пресс-секретарь.

Восемнадцать лет назад я бы промчался от этого места, никуда не сворачивая, на своей «Ниве» с зелеными номерами мимо президентского дворца и до площади Пуштунистана за одну минуту, но сейчас дорогу преграждал целый укрепрайон, выстроенный американцами у своего посольства. Тяжелые бетонные заграждения с лабиринтами ходов и пулеметными точками охраняли фасад здания, естественной защитой доступного правого фланга являлось здание министерства здравоохранения. Тыл дипмиссии США выходил в «зеленую зону» с такими же редутами, там же располагались посольства многих западных стран и представительства международных организаций.

Мы ехали по фешенебельной улице Вазир Акбар Хан мимо центрального афганского госпиталя «Чарсад бистар», в «инфекции» которого летом 80-го года я пролежал чуть меньше месяца. Удивительно, но спустя столько лет я испытывал искреннюю сердечную благодарность афганским медикам и медсестрам, принимавшим вместе с советскими врачами активное участие в моем излечении от брюшного тифа и амебной дизентерии, которые я подхватил на операции в Джелалабаде. Про себя подумал: непременно нужно сюда прийти «подышать» прошлым. Далее мы ехали по хорошо знакомой мне дороге мимо старинного особняка афганского МИД, минуя усиленные посты полиции, затем выехали на площадь, где сейчас обустроилось министерство образования, повернули налево к агентству «Бахтар», а от него направо по улице, ведущей к проспекту Дал uly-Аман.

Первый вопрос, который я задал спутнице, состоял в том, почему в городе так много зеленых полицейских фордовских пикапов с установленными на них пулеметами ПК?

— Часто происходят нападения и теракты, ну и так, для устрашения, — весело ответила мне работник посольства.

Проспект Дар уль-Аман, начинавшийся, как и прежде, от здания городской автоинспекции, был покрыт еще старым советским асфальтом, который здесь клали при мне аж в середине 80-х. Да, весь в трещинах, колдобинах и заплатах, но он выстоял! Он выдержал три войны — нашу с бандитами и контрреволюционерами, междоусобицу «моджахедов» и «моджахедско-талибскую». В голове сразу всплыл старый лозунг моей молодости — «Советское — значит отличное!».

Въехали в здание посольства не со стороны бывшего «парадного» КПП, а с тыльного, когда-то «торгпредского», улочка вдоль дипмиссии была перекрыта шлагбаумом, у которого расположился пост полиции. Сами стражи порядка были вооружены советскими автоматами Калашникова. Это не могло не радовать. Если у полицейских АК, значит, нас в Афганистане помнят и уважают. Я быстро заселился в посольскую гостиницу — просторную и отлично обустроенную двухкомнатную квартиру с бархатными шторами, холодильником и цветным телевизором. Нехитрую снесь в дорогу я с собой взял, чай был в гостинице. Наскоро перекусив, я пошел в административное здание посольства на прием к послу.

Проходя по жилому городку дипмиссии, я радостно удивлялся: все было засажено плодовыми деревьями и красивыми кустарниками, на клумбах цвели благоухавшие розы. Про себя отметил, что территория обихожена куда лучше, чем в далекое советское время, но все «достопримечательности» 80-х сохранены или воссозданы в память о прошлом. Это и калитка у забора, разделявшая жилую и служебную зоны, и старое дерево у въезда, которое было старым еще при советской власти, и, о чудо, работающий фонтан в пышном окружении цветов, в основном роз всех цветов и оттенков. Некоторые дома «старого фонда» — четырехэтажные сейсмостойкие советские жилища — были отремонтированы и отреставрированы. Но многих не было и в помине — здесь, как и по другим районам Кабула, кат-

Андрей Грешнов

ком прошлась война. С удивлением увидел старый-новый действующий бассейн с раздевалками (в прессе я читал, что жившие на территории посольства афганские беженцы до начала двухтысячных использовали его в качестве огромной выгребной ямы и умудрились заполнить его отходами жизнедеятельности почти на треть).

Само здание посольства напоминает большой корабль, на капитанской рубке которого развевается государственный флаг. Раньше посольство было выстроено в тяжелом, но красивом «сталинском» стиле — с обилием мрамора, колоннами, а на стене зала приемов в то далекое время висела рельефная картина-карта Союза Советских Социалистических Республик. Сейчас зал приемов выглядит несколько иначе, но не менее роскошно, что неизменно поражает иностранных дипломатов, которые в нем чувствуют себя «афганскими временщиками» и сознают, что Россия здесь если не навсегда, то очень надолго. Потолок зала украшают огромные хрустальные люстры, изготовленные на заказ в Чехии, а пол — красивая каменная мозаика. Хочу засвидетельствовать: такого красивого посольства в Афганистане нет ни у одного государства, и это порой просто бесит иностранцев.

Чуть забегаю вперед, скажу, что однажды приглашенная на прием в российскую дипмиссию журналистка Би-би-си Лиза Дусет, которой в далеком 1989 году и Замир, и я оказывали всестороннюю информационную поддержку после вывода из страны Ограниченного контингента советских войск и которая считалась если не нашим другом, то представителем британского СМИ с ясной головой и незапятнанной репутацией, глядя на роскошь зала приемов, вдруг разразилась антироссийским пасквилем. В своем репортаже она, в частности, написала, что «когда голодные афганские дети, измученные разрухой и войной, недоедают, русские жируют в своем роскошном посольстве и жрут там ложками черную и красную икру». К слову сказать, бутерброды с икрой в первые же минуты приемов сметали сами

иностранцы, для которых поход в посольство РФ всегда ассоциировался с возможностью хорошо подзаправиться. Российские же сотрудники дипмиссии при Замире на приемах всегда работали, а не набивали пузо яствами — таков был строгий приказ Кабулова, и никто не смел его нарушать.

Войдя в посольство, я осведомился у дежурного, который уже был информирован о моем прилете, на месте ли экселенс. Оказалось, что да. Поднявшись по хорошо знакомой мне лестнице, я оказался в «предбаннике» у помощника посла. На людях обращение к Замиру на «ты» заканчивалось (азы дипломатической этики), и я приготовился ждать аудиенции в кресле для посетителей. Однако Замир Набиевич принял меня сразу. В ходе недолгого, но насыщенного делового разговора посол ознакомил меня с жесткими условиями информационной безопасности дипмиссии, положением в Кабуле и афганских провинциях. Обсудили возможные сложности открытия представительства РИА «Новости», а также задачи, которые в перспективе встанут перед единственным в Исламской Республике российским СМИ. Договорились, что по истечении недели, в течение которой я буду заниматься организационными вопросами, мы встретимся снова и уже предметно обсудим, что и как. На этом встреча закончилась.

Сразу от посла я направился к его помощнику по административно-правовым вопросам и имел с ним довольно продолжительную беседу. Отвечавший за безопасность обитателей посольства человек, в 80-е так же как и я выполнявший в Афганистане «интернациональный долг», поведал мне, что линейная связь с посольством — объект неусыпной прослушки наших западных «партнеров» по борьбе с терроризмом, а поэтому все сотрудники пользуются личными сотовыми телефонами, которые внутри здания посольства выключаются по соображениям безопасности. Что его слова не блеф, а жесткая реальность, я выяснил уже через пару дней, когда старые афганские «ка-

Андрей Грешнов

дры» сообщили мне, что на крыше отделения Kabul Bank, располагавшегося прямо напротив посольства, на другой стороне проспекта Дар уль-Аман, англичане установили аппаратуру радиоэлектронного слежения за нашей дипломатией. Да, условия работы будут нелегкими, подумалось мне, но и в 80-е, когда в городе обычные-то телефоны имелись у единиц, было так же трудно в основном из-за отсутствия связи. Вообще Афганистан — страна «нелегкая», и к этому нужно быть готовым любому, кто вознамерится здесь работать. Она редко терпит идиотов, лентяев, халтурщиков или непрофессионалов. Во многом это зависит от посла. При Кабулове коллектив, в который я вскоре влился, был «заточен» на активную, а порой и сверхурочную работу, которой было невпроворот.

Пресс-атташе познакомила меня с Нуром — афганским работником нашего посольства, который трудился здесь еще в 80-х годах. Нур прекрасно владеет русским языком и неocenim как человек, способный решать разного рода проблемные вопросы в структурах афганской государственной власти. Билеты на самолет, продление рабочей визы или получение ее в посольствах иностранных государств, ремонт, техосмотр автомобиля или его регистрация в ГАИ, да вообще любые рабочие вопросы «висят» именно на нем. При «советской» власти Нур Мохаммад Ариа служил в кандагарском Втором армейском корпусе рядовым, а его брат в то время был директором кандагарской швейной фабрики, изготавливавшей шерстяную одежду. Нур уже был готов к моему приезду и быстро подогнал мне к воротам посольства (за 40 долларов в сутки) белую «Тойоту» с водителем, который был ему родственником. И мы сразу пустились в путь. Для начала предстояло узнать — где в Кабуле можно жить и работать, не опасаясь, что тебя украдут или нападут на резиденцию. Таких мест, по предварительным прикидкам, было два — отель «Интерконтиненталь», где работали наши бывшие соотечественники и соотечественницы из стран СНГ, и гостиница рядом

с улицей Вазир Акбар Хан, которая принадлежала брату экс-президента страны Бурхануддина Раббани и охранялась его же боевиками. В «Интерере» мне понравилось, так как там был доступ к Интернету, причем всего за 1 доллар в час. Войдя в располагавшееся на первом этаже гостиничное интернет-кафе, я быстро, чтобы никто ничего не заподозрил, отключил афганский комп и присоединил к нужному порту свой ноутбук. Все работало, хотя и медленно, и я отослал свое первое сообщение в Москву, проверив пароли сервера, куда предстояло сбрасывать информацию. Все было хорошо, но цена гостиничного номера зашкаливала. Агентство вряд ли бы согласилось его оплачивать на постоянной основе.

В «отеле», принадлежавшем нашим бывшим врагам — боевикам «Джамиате ислами», было попроще, но так же красиво и уютно. Гостиничный номер больше напоминал шале с видом на гору, которая мне сразу не понравилась. Решили заехать в уже разросшийся «новый» советский микрорайон, где я когда-то жил в 1979—1980 годах вместе со своими коллегами — военными переводчиками. Вот он, 115-й блок, первый справа подъезд, первый этаж. Но старой двери с трещиной уже нет — на ее месте новая железная дверь. Постояв у нее и так и не решившись нажать звонок, я вышел на улицу к протекающему здесь старому арыку, попросил водителя меня сфотографировать. Когда тот щелкал фотоаппаратом, к нам подошла женщина-афганка моих лет, одетая в черную бурку, но с открытым лицом.

— Я так и знала, что вы, шурави, сюда вернетесь. Я еще тогда говорила людям, что лучше вас здесь никого уже не будет, но люди понимают все только в сравнении.

Женщина говорила на старом диалекте языка дари, том, что используют населяющие афганскую столицу пуштуны. Этот язык я когда-то понимал слабо, но выучил его досконально благодаря помощи афганских офицеров. Но в этот раз он звучал как привет из далекой юности. Сейчас Кабул перенаселен таджиками из долины Панджшир, язык кото-